

УДК 340.113.1

Лексемы как языковые единицы в законодательстве об антикоррупционном мониторинге

Вагнер К.Р.

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры контрастивной лингвистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Сосновская Л.Р.

Старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия,
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова

В статье проанализированы подходы к пониманию лексем в современной юридической лингвистике с учётом тенденций развития антикоррупционного законодательства. В центре внимания авторов – соотношение лексем с семантическими полями, которые в ретроспективе развития научной мысли имели общее смысловое значение. В качестве методологической основы при проведении данного исследования использовались общенаучные методы, а также ряд частнонаучных методов из правовой филологии и юридической техники. Так, для установления текстуального смысла норм права задействован метод правовой герменевтики, а также формально-юридический подход, необходимые для толкования нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней. Авторы приходят к выводу, что неравнозначное использование лексем и объединение их в одно семантическое поле влияет на искажённое восприятие терминов и дефиниций из действующего законодательства.

Ключевые слова: юридическая лингвистика, язык права, антикоррупционный мониторинг, антикоррупционное законодательство, нормативные тексты, противодействие коррупции, юридическая терминология

Исследование лексических единиц в правовых науках на современном этапе приобретает актуальность в связи с повышением роли юридической техники в оформлении законодательных норм. Между тем в специальной литературе по-прежнему уделяется недостаточно внимания к языковым аспектам подзаконного нормотворчества, которое, в свою очередь, получило широкое распространение в отдельных направлениях правового регулирования общественных отношений. В их числе оказались вопросы противодействия коррупции, которые, невзирая на наличие прочной правовой базы в форме

международных договоров и федеральных законов, требуют детализации через систему подзаконных нормативно-правовых актов.

Наглядно увеличение подзаконного нормотворчества прослеживается на примере антикоррупционного мониторинга. Данный комплекс мер призван в широком измерении не только выявлять и пресекать коррупционные действия, но также предупреждать их возникновение, учитывать факторы, способствующие росту коррупции, и негативные последствия совершения коррупционных правонарушений [1; 2].

Лексема в общелингвистическом значении представляет собой языковую единицу, выделяемую в словарных составах [3, с. 142; 4, с. 195]. Она проявляется в определённых словоформах, производных от однокоренного слова, которые могут обладать как общим, так и различным лексическим значением [5, с. 72].

В юридической лингвистике лексемы имеют особую смысловую нагрузку, поскольку являются набором ассоциированных слов, имеющих разные варианты написания и толкования [6; 7]. Такой подход среди современных исследователей признан устаревшим в связи с тем, что подобные словоформы, в сущности, называются семантическими полями [8, с. 101].

Функция правовых лексем заключается в формировании слов с определённым лексическим значением, предопределяющим особенности их толкования в совокупности с другими словоформами, задействованными в текстах норм права с разным грамматическим выражением [9, с. 44]. Тем самым лексемы объединяют формальные и содержательные признаки слов, использованных либо в определённом нормативно-правовом акте, либо в целой системе таких актов.

Проблематика лексем в российском законодательстве о противодействии коррупции выражается, прежде всего, в смешении терминологического значения слов. Так, отсутствие на федеральном уровне нормативно установленного понятия «антикоррупционный мониторинг» спровоцировало его неравнозначное восприятие в региональных нормативно-правовых актах, в которых данный термин получил своё формальное закрепление.

Нередко слова «мониторинг» и «контроль» имеют общее семантическое поле, при этом содержательно отличаясь друг от друга не только в лексическом выражении, но и в смысловых нагрузках. Их основное разграничение сводится к эпизодичности и регулярности соответствующих действий. Например, при антикоррупционном контроле, как правило, проводятся специальные проверки по факту возникновения (выявления) коррупционного действия, т.е. контроль не нацелен предотвращать коррупционные обстоятельства, он должен их установить и зафиксировать. В части антикоррупционного мониторинга прослеживается расширение диапазона воздействия: и на результаты коррупционного поведения, и на вызывающие его факторы.

Несовпадение лексем в рамках одного семантического поля выступает не только нарушением филологических основ правотворчества. Такие дефекты сказываются на практических аспектах противодействия коррупции. В частности, субъекты антикоррупционного контроля имеют обширные полномочия в тех случаях, когда выявляют соответствующие коррупционные правонарушения,

в то время как субъекты антикоррупционного мониторинга значительно ограничены в своих возможностях до сбора и первоначального анализа сведений (при наличии выявленного правонарушения они обязаны передать материалы в правоохранительные органы).

Словоформа «мониторинг» позволяет использовать в нормотворчестве субъектов Российской Федерации такое производное слово, как «мониторинговый» (мониторинговые меры, мониторинговые полномочия, мониторинговый план и др.) [10; 11]. При этом в контексте антикоррупционного мониторинга указанная лексема нарушает исходное смысловое значение, поскольку сами «мониторинговые меры» могут включаться как в рамки мониторинга правоприменения, так и в пределы мониторинга государственного управления, имея разный понятийный ряд в аспекте противодействия коррупции.

Отсутствие в тексте правовых норм прилагательного «антикоррупционный» при формулировках, посвящённых мониторинговым мерам, вызывает потребность в их лексическом толковании. Так, действующее федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации используют смежные термины: «мониторинг законодательства», «мониторинг правоприменения» и «мониторинг противодействия коррупции» [12; 13; 14]. В силу этого обстоятельства многие научные исследования воспринимают данные словосочетания как равнозначные [15; 16], что, на наш взгляд, искажает содержательное значение названных терминов.

Если антикоррупционный мониторинг является системой государственных мер, с помощью которых выявляется теневая экономическая активность должностных лиц и факторы, способствующие этому, то мониторинг законодательства направлен на установление коррупциогенных факторов в самих нормах права.

Кроме того, в состав «мониторинговых мер» часто включаются действия, образующие в совокупности между собой т.н. «антикоррупционный аудит», который считается системой контрольных мероприятий по выявлению коррупционных и смежных с ними правонарушений среди узкой категории лиц (государственных служащих в определённой сфере, сотрудников муниципальных учреждений и т.п.) [17, с. 105; 18, с. 183]. Однако в тексте нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации отсутствуют слова, производные от термина «аудит», следствием чего стало их отождествление со словоформой «мониторинг».

В практическом выражении реализация антикоррупционного аудита заключается лишь в поиске формального несоответствия между поведением подконтрольного лица с законодательно установленными запретами и ограничениями в части противодействия коррупции. Между тем аудит не

призван учитывать условия совершения коррупционного действия, просчитывать социальные и экономические последствия подобных правонарушений, а также не направлен на работу по снижению коррупционных факторов.

Помимо принципиально разных словоформ, искусственно объединённых в действующем антикоррупционном законодательстве в состав общих семантических полей, прослеживается тенденция к сужению такой лексемы, как «коррупциогенность». Например, производное слово «коррупциогенный» в большинстве правовых норм привязано к факторам, провоцирующим коррупцию. Однако в федеральном законодательстве сформулировано качественно иное определение, которое сведено лишь к правотворческой деятельности, когда соответствующие нормы определяют широту усмотрения правоприменителя, вызывая тем самым коррупционное поведение [19].

В региональном законодательстве выявление коррупциогенных факторов включено как в состав мер антикоррупционного мониторинга, так и в содержание антикоррупционной экспертизы [20]. Примечательно также широкое восприятие лексемы «коррупциогенность» в научных публикациях, где данное слово трактуется далеко за пределами нормотворческой деятельности, предполагая целый комплекс факторов, провоцирующих коррупцию [21, с. 99]. Последнее позволяет отдельным исследователям оперировать термином «коррупционный риск» [22, с. 142].

Соотношение лексем «коррупционный» и «коррупциогенный» в плоскости мониторинга тем не менее представляется равнозначным, поскольку терминологически означает характеристику объекта или субъекта в сравнении с социальным явлением коррупции, т.е. придаёт им определённое лексическое значение. В правовом смысле указанные словоформы приобрели окрас одновременно противоправности (поведения, действия, бездействия) и требования (запрета, ограничения, обязанности).

Таким образом, лексемы в законодательстве об антикоррупционном мониторинге постепенно утрачивают свои первоначальные функции, что позволяет юридической технике трансформировать одинаковые словоформы под определённые меры по противодействию коррупции. Невозможность закрепления дефиниций всех терминов и понятий в рамках правовых норм вынуждает использовать в нормотворческой деятельности ряд общих слов, имеющих разное значение. Последнее ограничивается либо группой нормативно-правовых актов, объединённых по определённому критерию (территории действия, субъекту принятия), либо отраслевой принадлежностью законодательства (антикоррупционное право, административное право, уголовное право).

Литература:

1. Андрюхина О.В. Антикоррупционный мониторинг как один из элементов противодействия коррупции в России // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 11 (66). – С. 108-110.
2. Дамм И.А. Антикоррупционная профилактика в системе противодействия коррупции // Национальная безопасность / nota bene. – 2018. – № 4 (57). – С. 33-42.
3. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования / Отв. ред. В.Г. Адмони. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. – 299 с.
4. Григорьева С.А. Механизмы установления семантической сферы действия лексемы: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 278 с.
5. Мухин А.М. Системные отношения переходных глагольных лексем: (На материале англ. и рус. яз.) / Отв. ред. М.А. Бородина; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. – Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. – 291 с.
6. Петрова И.Л. Объективация права в аспекте юридической лингвистики. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2015. – 62 с.
7. Хасина Л.И. Место и специфика глагольных лексем и словосочетаний в отраслевой терминосистеме: На материале русской и английской юридической терминологии: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2003. – 168 с.
8. Хижняк С.П. Язык российского права: проблематика исследований и история развития юридической лингвистики. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. юридической академии, 2021. – 204 с.
9. Саркисянц В.Р. Юридическая лингвистика и современная лексикография. – Ростов-на-Дону: Книга, 2017. – 207 с.
10. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 19.07.2014 г. № 512 «Об утверждении Государственной программы “Реализация антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2015 – 2024 годы”» (ред. от 18.09.2021) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2014. – № 58-59. – Ст. 1789; Собрание законодательства Республики Татарстан. – 2021. – № 75. – Ст. 2046.
11. Постановление Правительства Ставропольского края от 25.12.2020 г. № 700-п «Об утверждении программы противодействия коррупции в Ставропольском крае на 2021-2025 годы» (ред. от 28.01.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации Ставропольского края. – URL: www.pravo.stavregion.ru (дата обращения: 07.03.2022).
12. Скирда М.В. О мониторинге законодательства Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции // Диалектика противодействия коррупции. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Институт эко-

- номики, управления и права. – Казань, 2014. – С. 163-171.
13. Бабелюк Е.Г., Савин С.Д., Щепельков В.Ф. О национальной системе мониторинга эффективности противодействия коррупции // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 5. – С. 613-621.
14. Гагаев Ф.Р. Мониторинг правоприменения как институт системы профилактики коррупции // Труды юридического факультета. Т. XI. Правовая карта мира: попытки начертания (теоретические, исторические и практические аспекты). Материалы Межвузовской научной конференции студентов и молодых ученых. – СПб., 2019. – С. 312-315.
15. Евдокимов Е.А. Мониторинг реализации мер по противодействию коррупции // Современные подходы к противодействию коррупции: тренды и перспективы. Сборник тезисов докладов и статей Всероссийской научной конференции с зарубежным участием. – Казань, 2019. – С. 220-223.
16. Сидоренко Э.Л. К вопросу о новых направлениях криминологического мониторинга коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – № 1. – С. 17-25.
17. Салихов З.А., Валеев А.Р. Антикрупционный аудит: основы организации, планирования и проведения // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 4. – С. 104-110.
18. Коловангин П.М., Путихин К.Ю., Ермаков С.Г. Концепция антикоррупционного аудита в системе государственного управления // Аудит и финансовый анализ. – 2017. – № 5-6. – С. 182-188.
19. Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609; 2018. – № 42 (ч. II). – Ст. 6376.
20. Закон Республики Алтай от 05.03.2009 г. № 1-РЗ (ред. от 13.05.2021) «О противодействии коррупции в Республике Алтай» // Официальный портал Республики Алтай. – <http://www.altai-republic.ru> (дата обращения: 07.03.2022).
21. Суховецкий М.И. Коррупциогенные факторы в Федеральном законе «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Юридическая наука: история и современность. – 2020. – № 12. – С. 95-102.
22. Голубева Т.Г., Шебзухова Т.А. Мониторинг коррупционных рисков и угроз как инструмент реализации государственной антикоррупционной политики в Российской Федерации // Современная наука и инновации. – 2018. – № 1 (21). – С. 141-144.

Lexemes as Linguistic Units in the Legislation on Anti-Corruption Monitoring

Wagner K.R.

Kazan (Volga Region) Federal University

Sosnovskaya L.R.

*Kazan Branch of the Russian State University of Justice,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov*

In this article, the authors analyzed theoretical approaches to the understanding of lexemes in modern legal linguistics and in Russian anti-corruption legislation. The authors focus on the correlation of lexemes with semantic fields. When conducting this study, the authors used general scientific and particular scientific methods (legal philology, legal technique, legal hermeneutics, formal legal method, etc.). The main conclusion of the authors is that the unequal use of lexemes and their combination into one semantic field in Russian legislation affects the distorted perception of the terms and definitions of anti-corruption monitoring.

Key words: legal linguistics, language of law, anti-corruption monitoring, anti-corruption legislation, regulatory texts, anti-corruption, legal terminology

